

Вячеслав Шалыгин
Перевернутые дни

«ЭКСМО»

Шалыгин В. В.

Перевернутые дни / В. В. Шалыгин — «Эксмо»,

ISBN 5-699-04702-6

ISBN 5-699-04702-6

© Шалыгин В. В.

© Эксмо

Содержание

1. Утро 05.02.2050 г.	5
2. Полдень 05.02.2050 г.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вячеслав Шалыгин

Перевернутые дни

1. Утро 05.02.2050 г.

Милиционер стоял почти неподвижно. Двигались только его раскосые глаза. Он провозжал взглядом практически каждого мужчину европейской наружности, но останавливать никого не спешил. Он пропустил даже двоих небритых кавказцев, которые прошли мимо блюстителя порядка с далеко не дружелюбными выражениями на лицах. Милиционер явно кого-то поджидал. Кого-то определенного. Его напарник замер у противоположной стены вестибюля и внимательно изучал тех, кто поднимается по эскалатору вниз. В общем-то, этот дополнительный контроль был не лишним. На индивидуальные штрих-коды милиция давно махнула рукой; их подделывали все кому не лень, а сканеры отпечатков пальцев и голосовые идентификаторы были весьма условной поисковой системой. Клиент мог проделать путь через весь город, ни к чему не прикасаясь и не произнося ни слова. Устройства, считывающие рисунок сетчатки глаз, использовались только на входах в крупные магазины, конторы и госучреждения. Об идентификации внешности нечего было и говорить. При современном развитии пластической медицины человек мог менять облик хоть три раза в день. Пришел на работу с лицом знаменитого арабского актера Отто Валенштайна, а ушел китайцем. Вернее – псевдокитайцем. Полного соответствия избранной нации добиться было трудно. Особенно фальшиво выглядела такая маскировка для опытных милиционеров-хунвейбинов, сокращенно – просто «бинов». Потому никто ею уже давно не пользовался. Проще было сделать себе типичное славянское лицо и раствориться в толпе таких одинаковых, с точки зрения любого «красного охранника», русских.

Иван про себя усмехнулся. «Тверже шаг и морду кирпичом», – вспомнился ему инструктаж Нагана.

Проще-то проще, да не на все сто. Эти двое милиционеров были явно из спецотдела. А сотрудников этой службы тренировали по особой программе в Центре генетической модификации. В этом инкубаторе современного гестапо с китайской спецификой. Кто знает, не будь в распоряжении милиции специального отдела и ЦГМ – обойдись она, как раньше, обычным ОМОНОм, – потребовались бы московской разведке радикальные методы? Вполне возможно, было бы достаточно агитации. Но это в теории. На практике – Центр генмодификации процветал, обучая спецназ из хунвейбинов и постепенно набирая серьезный политический вес. А его сотрудники становились все более неприкасаемыми. Причем попасть в ряды этой элиты постороннему было невозможно. В ЦГМ существовали какие-то свои критерии отбора кандидатов в «бины». Может, их там просто выращивали, кто знает?

Если эти двое из спецотдела – операции конец. А может, все-таки волнения напрасны и это простые патрульные? Они же, «надменные азиаты», все на одно лицо. Хоть натуральные, хоть клонированные.

Главное – не напрягаться. Идти, слегка поеживаясь и небрежно стряхивая с куртки хлопья тающего снега. Наверное, последнего в этом году. Еще неделя – и зима закончится. На площади Великого Кормчего уже распустились подснежники. Впрочем, это не показатель. Там клумбы с подогревом. Если бы не суровая действительность, цветы могли бы расти там круглый год. Но сибирская природа не терпит самодеятельности. Это вам не Европейская Аравия. Здесь поблизости гольфстримы не текут и теплые циклоны с Атлантики сюда не доходят. Это даже не Россия. В Москве и Питере, наверное, тоже давно все зеленеет...

Эх, только бы удалось! Враг терпелив и коварен, его аналитики при помощи суперкомпьютеров разгадывают семьдесят процентов диверсионных планов, задолго до их реализации.

Но ведь почти треть дел удастся! Так пусть сегодня небо будет благосклонно... Тьфу ты... небо! Всего неделю здесь, а уже привык к вражьей пропаганде... Пусть бог будет благосклонен! А потом... назад, домой. Так же, как приехал: экспрессом на юг, через трансалтайский тоннель до «грязных» казахских степей, затем на машину и в Семипалатинск. Там гаммасчетчики звенят и воют, но зато и «бинов» мало. Дальше в самолет и в приграничье, с промежуточной посадкой в Тегеране – столице Ирано-Афганской провинции. А во Франкфурте, на границе Европейской Аравии и Поднебесной республики, придется опять затеряться среди множества рабочих-мигрантов и путешественников. Переждав пару дней, можно спокойно пробраться в город-герой Белград. Анклав, форпост и символ стратегических интересов Москвы. Там уже спокойно, там свои. Братья сербы организуют отдельное купе в монорельсовой «стреле», и туту – до родной границы без остановок. Шесть часов неприкосновенного транзита по территории все той же Поднебесной, и ты уже в прикордонном Смоленске. Или на самолет братки посадят. Тогда вообще сразу домой.

Можно, конечно, махнуть в Челябинск, а оттуда машиной в «Катер», но этот маршрут давно засвечен. Там каждый день кого-нибудь ловят. То на переходе, то еще на подступах.

Севером уйти тоже не получится, пока рано. Навигация еще не началась, в Салехарде лютуют морозы: до минус пятнадцати доходит. Так что, если возникнут сложности с алтайским и уральским маршрутами, останется последний – кавказский. Самый трудный, зато самый надежный. «Стрелой» через Курган в Астрахань, оттуда на машине в Грозный. Там «бинов» еще меньше, чем на радиоактивных территориях, неуютно им среди тех гор. Ну, а дальше допотопной «железкой» через Ставрополь в Волгоград. Из Астрахани можно было бы и по Волге доплыть, но на реке зверствуют пограничники. В прошлом месяце баржу с беженцами взорвали, неделю назад поголовную проверку устроили. Восьмерых подпольщиков арестовали.

Иван поежился и стряхнул с рукава капли талой воды. До милиционеров оставалось десять метров, не больше.

«А вообще, о чем я думаю?! Трус! Варианты возвращения прокрутить решил! Сначала надо в «удачливую треть» попасть – задание выполнить, а уж после пути отхода нащупывать!»

Взгляд левого хунвейбина на секунду задержался на лице Ивана и скользнул дальше.

А должен был просто скользнуть. Без задержек. Внутри у Ивана похолодело.

«Неужели вычислил?! Почему же не остановил? Оружия у меня нет, это ясно, да и не стал бы я сопротивляться, метро ведь, тут же повсюду посты ППС. Что же произошло? Подавать сигнал сопровождению или нет?»

Широкий эскалатор вынес Ивана на первый уровень подземелья, прямо к рядам лотков с цветами, кондитерским лавкам и терминалам бульварной прессы. Иван купил у киоскера самый дешевый планшет и скачал на него пару пошлых газетенок.

– Два юаня, – вежливо улыбаясь, сообщил продавец.

Он был белым, но носил азиатский разрез глаз. Видимо, чтобы угодить начальству. В другое время Иван обязательно отпустил бы по этому поводу язвительное замечание, но сейчас ему было не до агитации. Наверху что-то происходило. Ничего конкретного он не видел, но определил это по всплеску в звуковом фоне и озабоченным взглядам спускающихся в метро граждан.

– Уходи, – неожиданно приказал киоскер. – Быстро.

– Что? – удивился Иван.

– Ара, не раздражай, да? – послышалось справа. – Тэбе сказано – иди, значит, иди... Аня, проводи джигита, я сам поторгую...

Иван оглянулся и увидел, как один из чернявых торговцев цветами раскрывает жестяную тумбу-термостат и вынимает из-под слоя голландских роз конструктивно древние, но ухоженные, словно только с завода, «калаши». Он раздавал их каким-то неприметным людям, и

те, деловито проверяя наличие в магазинах патронов, один за другим уходили по эскалатору вверх.

Аня, миниатюрная блондинка с печальными синими глазами, дернула Ивана за рукав:

– Идем.

– Куда? Зачем?

Всех этих людей Иван не знал и доверять им не спешил. Он снова обернулся к эскалатору и увидел одного из сопровождающих, помощника самого Нагана. Тот коротко кивнул и указал взглядом на девушку. Пришлось подчиниться. Аня провела Ивана по короткому переходу до неприметной дверцы и постучала в нее быстрой, но правильной морзянкой.

«Свои» – перевел Иван. Этой азбукой он владел ничуть не хуже. В Калужских подготовительных лагерях всех обучали одинаково. Это уже после начального курса судьба разбрасывала будущих диверсантов по городам и весям усохшей Родины: взрывников под Питер, снайперов на Ярославские полигоны, будущих резидентов в Архангельскую школу разведки, а самых способных – в Москву, в Академию ГРУ. Последние с этого момента становились настоящими призраками. Данные о них исчезали из компьютерных баз, родственникам выплачивалась компенсация, словно ребята уже погибли в бою, а друзьям и подругам рекомендовалось забыть имена избранных и никогда не здороваться с «призраками», даже если выпадет случай их встретить. Само собой, что и родные, и друзья такими парнями страшно гордились. И не задумывались, каково самим парням. Каково это быть живым трупом, «киборгом», запрограммированным на убийства и диверсии? И ладно бы все «призраки» на самом деле были бездумными киборгами, вон, как группа «Д» в армии Африканского Союза или спецотряд «Самурай» у американцев. На худой конец, неплохо было бы иметь для таких целей дивизию клонов, как хунвейбины у нынешних хозяев Евразии. И клонированные «бины», и афро-американские «терминаторы» были не слишком эмоциональны. Они не терзались размышлениями о смысле жизни и перспективности своей борьбы. А русские «призраки» – терзались. Не все и не всегда, но бывало. Потому что были не роботами и не ублюдками из пробирок, а нормальными ребятами, выросшими в киберпространстве и оранжерейных условиях высокотехнологичных интерьеров московских высоток.

Конечно, военные старой закалки, прошедшие Континентальный Передел от начала до конца, предпочли бы иметь в своем распоряжении совсем не таких солдат. Может быть, не киборгов, но все-таки и не возвращенных Сетью дохляков, да вот беда, обычные солдаты кончились еще в середине «переселения народов». Пришлось делать выбор: ставить под знамена всех прочих или тайно закупать у африканцев новые военные технологии.

Сделать выбор оказалось проще простого, на проект «Д» или чуть более дешевый американский «Самурай» у Москвы, как всегда, не было денег. Как говорили герои фильма, горячо любимого рожденными еще в прошлом веке старцами: «все уже украдено до нас». А потому все завертелось по старинке и с огромным «допуском дефектовки». За этим туповатым военным словосочетанием крылось следующее: тяжелейшие тренировки, учеба, психологические тренинги и, что уж лукавить, стимулирующие медикаменты выжимали из курсантов все соки. Кто не выдерживал – списывался в линейные части или сразу на погост. И было таких утрашающе много. Зато прошедшие полный курс обучения становились настоящими «волками» и «зубрами» диверсионного дела. Их ставили во главе отрядов и групп, снаряжали всем необходимым, на них надеялись. Им доверяли, в конечном итоге, судьбу окруженной врагами страны. Если, конечно, они не проваливали первые задания. Ведь подготовка подготовкой, а запас прочности у каждого человека свой. Кто-то после Академии становился профессионалом, а кто-то миной замедленного действия. Первые выполняли работу и возвращались, вторые уходили за кордон и бесследно исчезали. Иногда просачивалась информация о том, что в реальной боевой обстановке у них сдавали нервы и они начинали палить во весь белый свет, иногда – что они сознательно нарывались на засады «бинов». Свидетелей в таких случаях, как пра-

вило, не оставалось. Они либо гибли вместе с дрогнувшими лидерами, либо пропадали за стенами лабораторных корпусов Центра генмодификации – самой страшной конторы из силового аппарата Сибирской провинции да, пожалуй, и всей Поднебесной.

Кем суждено стать Ивану – профессионалом или «миной-невозвращенцем» – должно было выясниться именно сегодня, пятого февраля пятидесятого года. Сегодня был «день истины», день его первого задания. Пока не полностью автономного, под наблюдением Нагана, но все-таки формально самостоятельного, с занесением результатов в послужной список. Ивану разрешили действовать по обстановке и вести за собой стандартную группу: двух подрывников и снайпера. Наган и его охрана выступали в роли сопровождения. Вот такой расклад. И в нем не фигурировали ни грустная Аня, ни кавказский цветовод, ни киоскер, ни тем более десяток сереньких мужичков, так проворно вооружившихся «калашниковыми» и ушедших на верную гибель.

Иван шагнул через порог и осмотрелся. Ничего примечательного, обычный коридор. Разве что традиционные для любых стен граффити более смелого содержания, чем везде. «Австралия с нами», «Желтопузые козлы, валите домой, или завалим здесь», «Латиносы – предатели», «Африка – банановый Союз», «Ниггеры – наши черножопые братья», а ниже: «Один хрен – трусы!» Карикатура на хунвейбина, а на противоположной стене странный узкоглазый человек с двумя лицами – одно на толстой заднице. Триколор от пола до потолка и десяти метров в длину, а следом надпись на красном фоне черными буквами в человеческий рост: «Сибирь – это Россия». Пожалуй, единственное высказывание, за которое можно было схлопотать срок. Все остальное – мелкое хулиганство. Даже портрет нынешнего председателя Мао Чжана в стиле бессмертных Кукрыниксов: с цитатником знаменитого тезки в руке, значком на лацкане и штыком от австралийской «М-21» в ягодице...

Аня обернулась и недовольно шикнула.

– Иду, иду, – Иван догнал проводницу. – А куда мы направляемся?

– К Отто, – неохотно ответила девушка.

Иван постарался не выказать удивления, но это ему не удалось. Аня снисходительно усмехнулась и снова пошла вперед. Иван же еще пару секунд стоял, размышляя над коррективами в плане. Если это ловушка, то он уже в нее попал, дергаться бессмысленно. Если он просто чего-то не знал и знаменитый резидент Отто должен был это ему сообщить, тем более не имело смысла сопротивляться.

«А фигурка у нее ничего, и грудь очень даже... хоть и мелкая птаха, – сползли его мысли с боевого татами на койку. – Ладно, идем. Хоть на живого Отто Валенштайна погляжу...»

В конце коридора оказался лифт. Обычная кабина с десятком кнопок на внутренней панели. Аня уверенно набрала комбинацию цифр, и никелированная коробка взмыла вверх. Несоответствие было налицо. Замечать мелочи Ивана обучил сам полковник Ага, бывший «суперагент» и руководитель резидентуры СВР в Турции. Внутренняя отделка и панель в лифте были обычными, а несся он, как скоростной. Первый признак шпионского логова. Вернее – второй. Первый – это факт того, что лифт ходит не с первого этажа, а из подвала. Два детали, два шага к провалу. Впрочем, если без набора нужной цифровой комбинации скоростные качества кабины не проявляются, ошибкой эти детали считать нельзя...

За размышлениями Иван не заметил, как очутился в помещении с невысоким потолком, но почти без перегородок. Вместо них потолок поддерживали столбы. А еще, примерно на тысячу квадратов, было всего двенадцать... нет, шестнадцать окон. Да и то не окон, а каких-то бойниц или... вентиляционных отдушин. «Чердак, – решил про себя Иван. – Десятиэтажный кирпичный дом постройки начала века. В отличие от советских «панелек» с нормальным чердаком. Значит, лифт не только спускается глубже, чем следует, но и неприлично высоко взлетает...»

Аня снова тронула его за рукав и провела к южной стене. Там на раскладных столиках были установлены компьютеры и разложено оружие. Иван проследил ход серых оптических кабелей. Они тянулись через отдушину наверх. Скорее всего, по крыше здания были разбросаны тонкие, как бумага, и черные, под цвет гудрона, спутниковые антенны. Да, так и было. Вот пустая коробка из-под черного комплекта. Буро-зеленый, «травяной», комплект выносных антенн лежал в упаковочном ящике. Им обычно пользовались в лесу или в поле. Выбрасывали поверх землянок. Как маскировочную сеть.

Неподалеку громоздилась аккуратная стопка сложенных шезлонгов.

А у окна-бойницы стоял Отто. И был он там один. Такой загадочный и немного грустный. Великий актер. Звезда мирового масштаба. В центр Сибирской провинции его занесло ураганным ветром большого шоу-бизнеса. Он работал над ролью в новом американском блок-бастере, действие которого разворачивалось на лоне дикой северокитайской природы.

– Прекрасный вид, – Валенштайн обернулся и одарил Ивана слабой улыбкой.

Он выглядел совсем не таким энергичным и свежим, как в трехмерном кино. Даже наоборот. Сейчас было хорошо видно, что ему далеко за пятьдесят и жизнь звезды для него – тяжелое бремя.

– Для меня честь... – пробормотал Иван.

– Любезности и автографы позже, – Отто вяло махнул рукой. – ЦГМ вас просчитал, поэтому состав группы и план меняются. Придется сменить и лицо.

Иван невольно коснулся подбородка. Корректировать внешность ему приходилось не раз, но это было на тренировках. Сейчас Ивану почему-то стало страшновато. А что, если придется уходить сразу после задания? Прямо с места выполнения и длинным маршрутом? Неисправленные в течение суток изменения могли остаться навсегда. В штабе, конечно, были файлы исходной внешности каждого «призрака», но случалось всякое. У Центра генмодификации тоже была разведка, и ее агенты частенько портили жизнь не только рядовым россиянам, но и отечественным спецслужбам. Особенно успешно они действовали в отношении электронных баз данных. Около года назад «бины» умудрились уничтожить половину именно медицинских файлов военной разведки. Где гарантия, что такое не повторится сейчас, пока Иван ходит с чужим лицом? Хотя какая разница, как ты выглядишь, если ты призрак? Иван покосился на Аню. А возможно, новая внешность сыграет положительную роль. Пока что этой малышке он явно не нравился. Она не спускала влюбленных глаз с Отто.

– Я готов, – решительно заявил Иван.

– Садись, – Валенштайн указал на стопку шезлонгов. – Макет в компьютере, маску наложит Аня. Когда впитается и зафиксируется, переоденешься вот в это...

Он указал на дорожную сумку под столом.

– Хорошо, – Иван разложил стульчик и уселся перед косметическим репликатором.

– Документы в кармане куртки. Там же ключи от машины. Синий «Юнълунг» выпуска сорок восьмого года, номер 7997, стоит во дворе. Маршрут в бортовом компьютере. Оружие, снаряжение и ампула под сиденьем. После выполнения миссии бросишь его, тебя подберет зеленое такси с рекламой чипсов «Ли Хун», бортовой номер 1221. Если возникнут сложности, уходи через двор и территорию Императорской оперы. На углу Мичурина и Сююаня тебя будет ждать еще одно такси, такое же, только с номером 2112.

– Тоже палиндром, – пробормотал Иван.

– Что? – не понял Отто.

– Нет, ничего, – Иван смутился. – Просто я...

– Веришь в приметы? – Валенштайн усмехнулся. – Это невредно. Только не увлекайся.

– Нет, не верю. Я хотел сказать о другом. Лучше воспользоваться машинами с менее запоминающимися номерами. Или хотя бы не читаемыми справа налево так же, как слева направо.

Перевертень становится нашим фирменным знаком. Не думаю, что аналитики ЦГМ игнорируют этот факт.

– Ты боишься? – Отто взглянул на парня исподлобья.

– Ага учил нас обращать внимание на любые мелочи, – твердо ответил Иван. – Даже рискуя заслужить репутацию полного зануды.

– А ты молодец! – Валенштайн рассмеялся и хлопнул молодого товарища по плечу. – Говоришь, как по писаному. Осторожность и точный расчет – ключ к успеху.

Иван мельком взглянул на Аню. Несмотря на глубокие теоретические познания, пока его рейтинг был явно ниже, чем у неотразимого Отто. Ну, ничего. Недолго осталось до подтверждения познаний на практике, а уж тогда... затрепещут все красавицы мира.

– А я об этом не думала, – неожиданно сказала Аня. – А ведь действительно... И дата сегодня... перевернутая. Это тоже специально? Для показухи?

– В этом мире все взаимосвязано, – войдя в неопределенный, но явно романтический образ, ответил Валенштайн. – Просто мы не в состоянии осознать масштабы событийных хитросплетений, а потому нам кажется, что все вокруг бессмысленно и случайно. На этом можно играть. Оккупанты так и делают. Они внушают нашим соотечественникам, что на все воля случая и защиты от него нет. Но можно играть и на обратном. На предопределенности событий. Стоит лишь создать систему. Перевертень неплохо ассоциируется с чем-то скрытым, тайным, загадочным. Что произойдет в день палиндрома? А нет ли в этом знака свыше? Не закладывают ли события такого особенного дня основу для чего-то лучшего, для новой жизни?

– Но почему именно такой антураж? – удивилась Аня. – Почему не приурочить события к чему-то более традиционному?

– К чему? – Отто указал на ванночку с маской: – Предварительная активация закончена, можно наносить... К Новому году или Пасхе? Это будет слишком прямолинейно. К юбилеям вражеских вождей? Классический путь терроризма, а такой вариант борьбы народные массы традиционно не любят. Людям нужна загадка. И чем она непонятнее, тем крепче вера и надежда.

– Несколько слов и два-три дня в каждом десятилетии, не маловато для веры? – усомнился Иван.

– Вот увидите, освобождение начнется именно в такой день, – заверил его Валенштайн.

– Возможно, – согласился Иван. – Только не потому, что число этого дня будет читаться одинаково слева направо и наоборот. И не потому, что все лидеры освобожденного народа будут называть друг друга секретными кличками-палиндромами, такими, как Наган, Шалаш и Кабак. Все это дешевая бутафория. Реальная причина будет заключаться в другом.

– В чем же? – Отто нахмурился.

Было видно, что идея с «обоюдоострыми» кличками, номерами машин и датой операции нравилась ему своей оригинальностью и элементом романтики. Что поделать, творческая личность! А может, этот «фирменный знак» и вовсе его собственное изобретение? Иван допускал и такое. Если это правда, то великий разведчик Отто Валенштайн терял в глазах юного коллеги сразу десяток очков. Идея была явно слабой и, Аня права, показухной.

– Для освобождения созреют условия: демографические, социальные, экономические...

– Ого, да вы, юноша, стратег!

– Нет, пока я просто офицер военной разведки Иван Казаков...

– Поверьте, – Валенштайн грустно улыбнулся. – Я разбираюсь в людях. Придет день, и вы станете одним из тех самых «лидеров освобожденных народов Сибири».

– Я даже знаю, какая у него будет кличка, – Аня приложила маску к лицу Ивана. – Не жжет?

– Я тоже, – согласился Отто. – Удачи вам, Иван Казаков.

Ответить Иван не смог – мешала маска, стянувшая кожу и парализовавшая мимическую мускулатуру. Когда состав впитался, а репликатор «слепил» придуманное компьютером лицо, наступила фаза фиксации и онемение начало проходить. Иван первым делом открыл глаза и повел взглядом по сторонам.

Валенштайна на чердаке уже не было. Не было рядом и Анны.

Казачков придвинул сумку и покопался в вещах. Размеры вещей и обуви были подходящими, но покрой и цветовая гамма – слишком уж «верноподданными». Так одевались только «бины» и выслужившиеся перед ними предатели.

Косметический репликатор отключился, ожила телекамера, и на экране компьютера появилось новое лицо Ивана. Теперь он был брюнетом с прямым носом, смуглой кожей, чуть выпирающими скулами и квадратным, «волевым», подбородком. Брови и ресницы тоже стали темнее, но глаза сохранили разрез и первоначальный синий цвет.

Мачо. Не иначе. Как раз латиносов здесь, посреди Сибири, и не хватало. Иван усмехнулся. Хорошо, что Родина не потребовала стать африканцем. Ведь в этом случае пришлось бы обмазаться репликатором с головы до пят...

2. Полдень 05.02.2050 г.

Упомянутое Валенштайном изменение состава группы заключалось в том, что Иван из командира превратился в единственного ее участника. В общем-то, он не расстроился. Зачем нужны подрывники и снайперы, если надо всего лишь спуститься из окна соседней высотки по тросу на крышу штаба Сибирского военного округа и засунуть между лопастями воздухозаборника вентиляционной системы ампулу с токсином?

Иван снял карабин с троса и осмотрелся. Крыша была пуста. Только слабый южный ветерок перекачивал пару промерзших окурков. Казаков поднял один желтый цилиндрок и помял его в пальцах. Бросили его здесь не так давно. Либо когда убирали талый снег, либо когда опечатывали люки. Разведчик прошел до ближайшей двери. Так и есть. Украшенная иероглифами липкая лента крест-накрест закрывала замочную скважину. То же самое было проделано и с тремя другими лазами. Без контрольной ленты оставался лишь один. Видимо, его опечатали изнутри. Тем лучше. Теперь Иван точно знал, откуда можно ожидать неприятностей.

Он пробрался к нужному воздухозаборнику и быстро отвинтил наружную сетку. Лопастей здорового вентилятора не крутились. Пока не началось совещание, система вентиляции не использовалась. Иван в сотый раз сверился с планом здания. Да, все верно. В конференц-зал вела отдельная труба воздуховода. И главным источником подачи являлся именно этот вентилятор. Проще простого. Казаков взглянул на часы. Генералы – народ дисциплинированный, наверняка начнут вовремя, а значит, в запасе осталось всего десять минут.

Иван сунул стеклянную капсулу между лопастями и стенкой воздухозаборника, вставил на прежнее место решетку и завинтил болты. Дело сделано. Как только заработает вентилятор, капсула треснет, и токсин с током воздуха распространится по конференц-залу. Действует он мгновенно и стопроцентно. Но это не единственное его достоинство. Через десять минут после начала газовой атаки в воздухе не останется и следов этого яда. Во всяком случае, никаким прибором химразведки их не уловить. Армия Поднебесной недосчитается двух десятков генералов и стольких же чинов поменьше, так и не узнав, что стало причиной смерти. Вскрытие, конечно, покажет, но будет поздно. Иван к тому времени уже пересечет границу.

Казаков аккуратно отцепил «кошку», закрепленную на конце троса, от парапета плоской крыши и провел по нему ладонью. Следов почти не осталось. Вот уж поломают свои клонированные головы «бины», размышляя, как диверсанты попали на крышу. Иван нажал кнопку передатчика, и наверху заработала система автоматической намотки троса.

Спустя четверть минуты он перевалился через подоконник на шестнадцатом этаже высотки и бесшумно закрыл за собой окно. Первая фаза отхода прошла успешно. До начала совещания оставалось целых семь минут.

Знай наших! Среди бела дня один диверсант уничтожил сразу двадцать, а то и больше высших военных чинов врага! И никаких следов. Это класс! Иван почувствовал прилив гордости и тут же внутренне себя одернул. Праздновать победу было рано. Он все еще находился в тылу врага. Впрочем, основная фаза отхода завершилась, и разведчик был уверен, что его никто не видел. Тончайший трос на высоте шестнадцати этажей с земли незаметен, а сам диверсант был облачен в специальный костюм, ткань которого преломляла свет, делая человека практически невидимкой. Казаков стянул с себя светопреломляющий комбинезон и, снова став видимым, надел куртку, поправил прическу и взял в руку портфельчик, полный тонких деловых планшетов и бумажной рекламы. Теперь он выглядел, как типичный сотрудник одной из множества коммерческих фирм, обосновавшихся в смежной со зданием штаба высотке. Заподозрить, что этот юноша только что совершил рейд из окна своего офиса на крышу серой девятиэтажки, мог лишь очень опытный хунвейбин. А в здании торгового центра такие не водились.

Шесть минут...

Иван бодро вышел из кабинета, запер дверь и неторопливо направился к лифту. Войдя в кабину, он вынул из кармана автомобильный брелок и нажал кнопку дистанционного запуска двигателя своего «Юнълунга». На дисплее появился улыбающийся узкоглазый уродец: стилизованный автомобильчик с человеческим лицом. Пиктограмма означала, что команда выполнена и ожидающая у подъезда машина завелась, подогрела сиденье, освежила воздух в салоне и включила музыку.

Охрана у входа была спокойна. Иван смешался с толпой служащих и беспрепятственно покинул здание. Ему хотелось петь. Так ловко выполнить первое задание и так элегантно уйти удавалось не каждому. Он уселся в машину и бросил взгляд на часы. Минус три минуты. Можно не спешить. Даже нужно не спешить. Чтобы не привлекать внимание. Все должно выглядеть натурально. Деловой человек, не привыкший тратить попусту время, сел в заранее прогретый экипаж – достаточно престижный и надежный – и быстро, но без излишней суетливости отъехал. Картина более чем ординарная, а потому абсолютно незапоминающаяся. И на записях охранных камер, которые позже наверняка просмотрят следователи, ни Казакова, ни его машину нельзя будет выделить из общей массы отъезжающих-подъезжающих коммерсантов. Скорее подозрение ляжет вон на того очумелого толстяка, который вылетел из вестибюля следом за Иваном и умчался на красном «Шевроле-Легаси», будто на пожар.

Проспект, правый поворот... Как всегда, пробка? Нет, более-менее нормально, проехать можно. Левый поворот, вот он, перекресток улиц Мичурина и Сюцюаня, бывшей улицы Орджоникидзе. А вон и такси с рекламой чипсов. Все верно, все по плану, и это чертовски здорово!

Иван поставил машину на парковку рядом с Императорским театром и пересел в такси.

– Вы должны были бросить авто у штаба, – пробурчал «таксист».

– Да? – Иван взглянул на советчика чуть устало и снисходительно, как в его понимании должен был сделать матерый разведчик, только что завершивший успешную операцию. – Кому я должен?

– Отто, – спокойно ответил водитель, бросив короткий взгляд в зеркало. – Менять планы следует исключительно при крайней необходимости, а не по прихоти.

– Да все нормально, расслабься, – Иван похлопал его по плечу. – Я чисто ушел, без помарок.

– Время – плюс шесть минут, – шофер указал на часы. – Пока вы маневрировали в пробке на проспекте, дворами можно было доехать до запасной базы. Теперь, если «бины» уже объявили по городу план «Молния», мы далеко не уедем.

– Хватит гундеть, – настроение Ивана пошло вниз. – Просто вывези меня куда-нибудь и вали на все четыре стороны.

– Ты не обижайся, парень, – водитель миролюбиво улыбнулся. – Дело-то общее.

Казаков нехотя кивнул. В принципе, шофер был прав. Только высказывал свои претензии он как наставник нерадивому ученику. А между тем, выпускником столичной школы разведки, теперь уже можно считать дипломированным «призраком», был Иван, а не этот провинциал-нелегал! Иван угрюмо уставился в окно. Учить вздумал! Инструктор-водитель!

Такси остановилось в квартале от дома, на чердаке которого была оборудована «аппаратная».

– Ближе нельзя, – пояснил шофер. – У жильцов вопросы могут возникнуть. Уезжал на личной машине, вернулся на «тачке»...

– Понимаю, – буркнул Иван. – Спасибо.

– Будь здоров.

Такси быстро скрылось за поворотом. Казаков незаметно оглянулся по сторонам и зашагал к подъезду старого дома. Сменить одежду, «выправить лицо» и на вокзал. «Стрелы» на

юг по трансалтайскому тоннелю уходили каждые два часа. Даже если «бины» сориентируются и начнут его разыскивать, на вокзале им Ивана уже не достать. Там у него будет другая внешность и документы – лучше настоящих.

Лифт раскрыл никелированные дверцы на не означенном в инструкции этаже, и Казаков уверенно направился к стоящему отдельно от прочих компьютеров репликатору.

– ...Перестрелка на станции метро «Проспект Ху Яобана»... – внезапно ожил один из сетевых каналов. – До десяти экстремистов открыли огонь из автоматов по патрулю милицесской спецгруппы. Один из нападавших был уничтожен ответным огнем, остальным удалось скрыться. И вот только что поступило экстренное сообщение: совершено дерзкое нападение на штаб местной группы войск. Амбула с токсином была заложена в вентиляции, среди погибших: два десятка высоких военных чинов – там проходило совещание командующих всеми гарнизонами Сибири и Востока. Первый комментарий в связи с происшествием поступил от начальника ЦГМ генерала Сина, он настаивает на предоставлении хунвейбинам более широких полномочий...

– Удачный рейд, поздравляю, – из-за ближайшей колонны появился Отто.

– Спасибо, – Иван довольно улыбнулся.

– Среди генералов был Линь, – сообщил Валенштайн. – Начальник штаба всей Восточной группировки и фаворит самого Председателя. Ты не просто стал полноправным «призраком», но и сразу прыгнул в герои.

– Да я... просто выполнил задание, – Иван смутился.

– Ну-ну, не скромничай, – Отто дружески его приобнял.

Хватка у актера была стальной. Казаков даже немного растерялся. Что за необходимость была так крепко обниматься? Или Валенштайн тоже внутренне ликовал и не знал, как выразить грандиозность своих чувств?

Неожиданно за спиной у Ивана что-то щелкнуло, и, только услышав щелчок, он сообразил, что руки скованы сзади, перед глазами плывут какие-то темные круги и мелькают многочисленные «мушки», а по телу разливается непреодолимая слабость.

– Отто... что это... значит?

– Сам поймешь, – пообещал Валенштайн, подталкивая его к лифту. – Позже. Ну, чего стоите?! Забирайте.

Последние слова он адресовал четверым вооруженным хунвейбинам.

* * *

Можно умереть и попасть в рай. Можно тем же путем отправиться в ад. Второй вариант похуже, но, когда ты умер, тебе, по большому счету, все равно. А можно заживо попасть в Центр генетической модификации при правительстве Сибирской провинции. Учреждение закрытое, загадочное и страшное. Кроме того, что там выращивают клонов-хунвейбинов и что за его стенами обычные люди исчезают навсегда, о Центре не было никаких достоверных сведений. Только домыслы. Поговаривали, что клонов вскармливают как раз плотью тех несчастных, которых упрятали за высокие стены Центра его бывшие воспитанники. Еще поговаривали, что никакой это не Центр, а главная разведбаза всей Поднебесной с мощным техническим парком и тренировочными площадками для «бинов». Как бы там ни было, Центр оставался крупнейшей загадкой и для жителей города, и для разведок всех соседних стран.

За все время, пока Ивана везли в Центр, он не услышал от своих конвоиров ни единого слова. Его и в камеру втолкнули молча, не пообещав ни вызвать на допрос, ни предоставить адвоката, ни даже закопать живьем как последнюю гадину или что-нибудь в этом роде. Казакова словно бы упаковали в полиэтиленовый мешочек и положили на полочку. Как вещественное доказательство. До лучших времен.

Камера оказалась крошечной, но с достаточно большим окном. Вид из него был не самым вдохновляющим – глухой серый двор, но все-таки не стена, как на гауптвахте в Калуге. Иван горько усмехнулся. «Губа», на которую он однажды попал за драку, даже со своим мрачным видом из зарешеченного окна теперь казалась номером в пятизвездочном франкфуртском отеле «Джафар Хайнц». Здесь, в ЦГМ, на окнах с толстыми бронестеклами не было решеток, и выходили они во двор, по которому сновали люди, но чувство отчаяния и горечь поражения сводили все плюсы на нет. Успех – и тут же провал. Ликование и опустошенность. Вера и глубочайшее разочарование. Да, успеха операции не затмит никакой арест. Иван свою миссию выполнил на все сто. Но как Отто мог стать предателем?! Человек, которого боготворила не только публика, но и все русские разведчики. Самый проверенный, успешный, универсальный агент ГРУ! Это не укладывалось в голове и занимало мысли Казакова даже больше, чем невеселая личная перспектива. За такую диверсию в живых его точно не оставят, это было понятно, но Ивана смерть не страшила. Он не смог бы внятно объяснить – почему, но это была чистая правда. Какой смысл бравировать перед самим собой? Нет, Казаков не был абсолютно бесстрашным человеком, иногда он пасовал, иногда отчаянно трусил, но теперь им почему-то овладело олимпийское спокойствие.

Он сунул руки в карманы и подошел к окну. В общем-то, вид был не так уж плох. Идеально ровный асфальт серого двора был покрыт непонятной белой разметкой, наверное, для построений. Мышиные стены высокого забора и здание напротив увешаны лампами; ночью тут явно не темнее, чем днем. Выкрашенные корабельной «шаровой» краской железные ворота отлично гармонировали и с архитектурой и с мутным февральским небом. Удивительно полный набор оттенков серого. Просто замечательный... Что это, предсмертный оптимизм? Иван усмехнулся, хотя ничего забавного в ситуации не находил, и на секунду ему даже стало себя жаль. Правда, лишь на секунду. Возможно, в глубине сознания сработала некая защитная реакция, и настроение вернулось в боевое русло. А может, он был так спокоен потому, что покидал этот мир победителем? Кто знает?

Казаков краем глаза уловил яркое пятно, вносящее в строгую тюремную серость отчетливую дисгармонию. Иван приблизился к стеклу и посмотрел вниз.

К стоящему у ворот лимузину неторопливо шли трое. Один в синей униформе хунвейбинов, но с расшитыми золотом генеральскими погонами, а двое в обычной городской одежде: в куртках – оранжевой и красной – и кепках. Генерал явно никуда не собирался; он был без головного убора и в одном кителе. Он, похоже, провожал своих гостей до ворот. Кто был этот «бин»? Вряд ли в ЦГМ много генералов. Да, скорее всего, вообще один. Иван удивленно покачал головой. Наверное, высокие были гости, если их провожал сам начальник Центра генетической модификации. Троица шла неторопливо, поддерживая какую-то спокойную и, видимо, приятную беседу. Казакова это немного насторожило. Трое неизвестных, один из них генерал, спокойно гуляют, никуда не спешат, словно в городе ничего не случилось, и треплются о погоде. Что-то тут было не так.

Иван присмотрелся к гостям повнимательнее. Человек в оранжевой куртке чуть приподнял голову, и Казаков увидел его профиль. Точеные черты, гордая посадка головы и шикарная улыбка... Без сомнений, это был Отто. Величайший актер и предатель современности. Теперь это было очевидно. Резидент ГРУ Отто Валенштайн и начальник ЦГМ генерал Хуан Син беседовали, словно давние друзья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.